

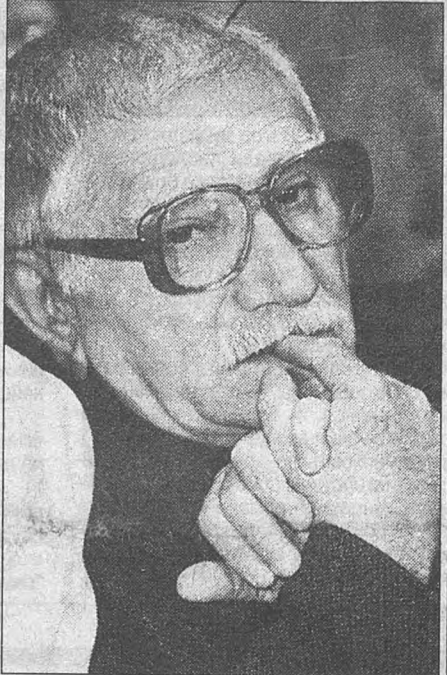
СТАРЫЙ КЛОУН БОРОЗДЫ НЕ ПОРТИТ

Армен Джигарханян:
**"Умирать на сцене
в мои планы
не входит"**

Армен Джигарханян открыл сезон своего театра с резкого заявления, что закончил сценическую карьеру, и признался, что был самым счастливым человеком на свете только тогда, когда работал клоуном. То есть артистом.

Он сидит в своем кабинете, в театре своего имени — седой мудрый армянин. Улыбается, шутит, грустит. Его театру через год стукнет 10 лет, и за это время он пережил восторг открытия, горечь предательства и одну революцию.

Читайте 7-ю стр.

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

Моск. Комсомолец 2004-14 авг. стр. 7

ЗВЕЗДА

— Я не хочу приглашать звездные имена и не хочу такой кассы. Фаина Георгиевна Раневская говорила: "Деньги кончатся — позор останется". Я говорю: "Если Шакуров, то давай. Но только в театр". Утром приходит на работу, репетировать, в буфете поест. Меня просят: "Звезды нужны". Я — им: "Фамилию назовите". Называют. "Я эту звезду в театр даже гардеробщиком не позвал бы". Потому что это дурные звезды. А у нас другой театр.

У меня нет страха великих артистов, я переиграл со всеми великими. И своим внушаю, что это коллега, а никакой он не великий. Какое-то время я играл с ребятами спектакль "Возвращение домой". Мне больших усилий стоило, чтобы мой молодой партнер сказал мне: "Подлец". У него рот не открывался. И не надо забывать, что русский театр — крепостной театр. Ответственно говорю об этом.

— Даже если придут американцы со своим крутым менеджментом и мы перейдем на другую систему?

— Если с русскими артистами, то это будет американский крепостной театр. Это судьба, это генетика.

— Можете расшифровать, что значит крепостной театр?

— Это где сильный, мощный лидер — хозяин, который платит, учит, журит, бьет, а они ему верят. Я, например, думаю, бить не буду. Я найду интонацию, чтобы они увидели — я обижен. Но если понадобится, будем бить.

— На кого из своих артистов вы делаете ставку?

— Не хочу перечислять фамилии, но у меня есть пять-шесть артистов, которые, на мой взгляд, даже по московским меркам находятся на подступах почти к самой высокой планке. Давно, много лет назад, пришел к Табакову по делам в его подвал. Он мне сказал: "Пойди посмотри спектакль". Я глянул — это был плохой театр, студенческий. Сейчас там есть мастера. Значит, Табаков терпеливо, не приглашая никого со стороны, вырастил своих настоящих звезд.

— Чем в новом сезоне вы намерены беспокоить зрителя?

— Будем развлекать, но не бездумно, не показывая голый задницы. Шоу не люблю. Петля, шухарить, хулиганить — это пожалуйста. Вот мы сейчас выпускаем подряд два спектакля: "Требуется лжец" и "Нам бы сюда пару мужиков". Первая пьеса греческая, ставит режиссер Владимир Ячменев, а второй спектакль делает Петя — выпускник ГИТИСа. Хожу на репетиции — смеюсь. И еще подарок для детей — "Красная Шапочка". Это Шарль Перро, Шварц и мультик Гарри Бардина. Я в нем когда-то партию волка пел. Этот спектакль мы делаем на свои последние деньги.

— Кстати, о деньгах, не противно ходить и просить у властей?

— Я все равно хожу и прошу денег. Я говорю им в лицо: "Вы раньше меня погибнете, если я вас не буду защищать. Если ваши дети не пойдут и не посмотрят "Красную Шапочку", они станут детьми Интернета — у них не будет эмоций".

— Как вы прокомментируете слухи, постоянно блуждающие по Москве: Джигарханян остался в Америке?

— Я не скрываю: моя жена там работает, мой кот тоже там. Два месяца летом я с ними — заслуженный отпуск. И на неделю-другую лечу туда на Рождество, потому что 3 января день рождения моего кота, а 5 января — день рождения жены. Я очень реальный человек: я Америку люблю, Техас мне напоминает Ереван, а на постоянно... что там буду делать?

— Самый страшный вопрос: почему артист Джигарханян решил больше не выходить на сцену? Или, как Кобзон, — прощальный тур на много лет?

— Не обижай Кобзона. Я говорю просто до неприличия — здоровье. У меня возникли проблемы, они не трагичные, но хронические. В мои планы не входит умереть на сцене. Но даже на это наплевать. Брак нельзя давать. Если я начну себя беречь, я начну халтурить. Не хочу, я себя сразу инвалидом почувствую. Я хочу клоуном быть.

Марина РАЙКИНА.

С 1-й стр. — Армен Борисович, это был конфликт в театре?

— Серьезный. Если грубо говорить — паршивая овца: пришли люди, вовсе не враги, но с другим пониманием дела. Стали, например, поднимать вопрос: "Почему выпить нельзя?". Я не говорю, что выпить нельзя. Более того, мы будем предоставлять помещение, где пить. Пьяным в театр приходиться нельзя. Мой учитель говорил еще строже: чеснок нельзя есть и лук. Потому что одному это приятно, а другому — нет. У нас, как в спорте, контактный способ существования.

Поскольку я старый клоун, я видел, как этот "запах лука" может внести в нашу жизнь дисгармонию. Началось с этого, а потом пошла борьба за влияние на меня. Я был в тот момент, если драматизировать, на грани отчаяния и решения уйти. Тогда я послал всех и сказал: "Я оказался в роли Гулливера, которого лилипуты свалили. Повязали руки-ноги и стали по нему ходить". И это не дисциплинарный, а творческий конфликт. Сегодня труппа почти полностью обновилась, от старого состава осталось два артиста.

— И вы не постеснялись признаться артистам в своей слабости?

— Нет. Это же правда. Я думаю, мой господин, который до сегодняшней минуты не оставил меня, мне подсказывал ходы, которые поначалу казались драматичными — расшатывались основы, ночи бессонные... Ты прости за нескромность, но я, наверное, животное очень хорошее. Я туго думаю, но вдруг что-то просыпается: "Щас буду всех бить".

— Что вас заставило остаться в театре — желание быть начальником?

— Не вру ни в одном пункте — никогда не хотел быть руководителем... Я действительно клоун и каждый раз убеждаюсь, что я самый настоящий старый клоун. И до смерти попытаюсь сохранить это — с ребятами я тоже клоун. А остался, потому что не нашел замены театру. Потом я как-то надеялся — и до сих пор надеюсь — что кому-то нужен.

— Что вы думаете сейчас об актерах?

— Я очень давно этим делом занимаюсь и могу сказать, что актер — это быстро портящийся продукт. Почему? Вот сейчас в кино начали практиковать такую вещь — снимается дубль, потом все смотрят в монитор и говорят: вот так надо стоять, смотреть и так далее. Не проживать, а фиксировать. Вроде почище, но есть опасность штамповки.

Плохие театр, кино перестают беспокоить зрителя, а хороший, он беспокоит. Чем беспокоит? Неожиданностью. Вот мы все знаем — Отелло должен задушить Дездемону.

СТАРЫЙ КЛОУН БОРОЗДЫ НЕ ПОРТИТ

ну. Казалось бы, зачем мы идем на это смотреть? Нам интересно, как он нас уговорит насчет того, что эту Дездемону надо задушить. Вот это новое, а если просто продолжил роль...

— Сейчас у вас сложившаяся труппа, сильные молодые актеры. Но вы не опасаетесь того, что происходит в других театрах, в том числе именитых, — артисты снимаются, ломают график и тем самым ломают театр?

— Извини за грубость — в таком случае я готов к похоронам.

— Может быть, найти компромисс, какой нашел Табаков: киногоруппа платит театру за аренду актера?

— Никто не нашел и никогда не найдет. Если кто-то считает это спасением, я завтра же буду этим пользоваться. Но я очень хорошо знаю театр.

— Это значит, что в театре Джигарханяна артистам запрещают сниматься?

— Я взял за основу фразу, которую любил говорить Гончаров (Андрей Гончаров — знаменитый главный режиссер Театра им. Маяковского. — М.Р.): "Вот вы снимаетесь, а потом приходите в театр зализывать раны". Более того, я обязываю их сниматься, получать большие деньги. Но я рассчитываю на то, что им здесь лучше.

— Какая зарплата у ваших артистов?

— Государственная, плюс мы имеем спонсора. Зарплата у ведущих артистов 12—15 тысяч. У начинающих меньше.

— Ваша труппа пока с малоизвестными именами. Почему театр Джигарханяна не приглашает известных актеров на разовые роли для поддержания кассы?

ИТАР-ТАСС

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ